

·thebigbook·

Сара Груэн
ВОДА
ДЛЯ СЛОНОВ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 91

Sara Gruen
WATER FOR ELEPHANTS
Copyright © 2006 by Sara Gruen
Published by arrangement with Algonquin Books
of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc.,
New York (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
All rights reserved

Перевод с английского Марии Фаликман
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-19494-6

© М. В. Фаликман, перевод, 2007
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Бобу — источнику моего вдохновения

Благодарности

Я глубоко признательна всем, кто причастен к созданию этой книги.

Моему любимому мужу Бобу — лучшему из мужчин.

Моему редактору Чаку Адамсу за его критику, пристальное внимание к подробностям и поддержку, которые вывели это повествование на новый уровень.

Моему личному критику Кристи Кирнан и первым читателям Карен Эбботт, Морин Огле, Кэтрин Паффетт (кстати сказать, моей маме) и Теренсу Бейли (отцу) за любовь и поддержку и за то, что регулярно отговаривали меня бросить эту затею.

Гэри Пейну, который отвечал на мои вопросы обо всем, что касается цирка, рассказывал цирковые истории и выверял рукопись на предмет неточностей.

Фреду Пфенингу III, Кену Харку и Тимоти Теджу за то, что любезно позволили мне использовать фотографии из их коллекций. Особое спасибо Фреду, прочитавшему рукопись и уточнившему некоторые детали.

Хейди Тейлор, помощнику секретаря Художественного музея Ринглингов, которая помогла мне решить вопрос с авторскими правами относительно фотографий, и Барбаре Фокс Маккеллар, позволившей использовать фотографии ее отца.

Марку и Карри Кабак за гостеприимство и за рассказы о служебных обязанностях Марка во время работы в городском зоопарке Канзаса.

Эндрю Валашику за помощь с переводом на польский язык.

Киту Кронину за ценные замечания по рукописи и за то, что он предложил название для книги.

Эмме Суини — просто идеальному литературному агенту.

Наконец, всем членам нашего писательского кружка: не знаю, что бы я без вас делала.

По-моему, мысль моя очень проста:
слон верен от хобота и до хвоста¹.

*Доктор Сьюз (Теодор Гейзел).
Слон Хортон ждет птенца. 1940 г.*

---

¹ Перевод Т. Макаровой (1973).

Пролог

Под красно-белым навесом дешевой закусочной оставались трое: Грейди, я и продавец. Мы с Грейди сидели за обшарпанным деревянным столом, а перед нами на помятых оловянных тарелках красовались гамбургеры. Продавец за стойкой скоблил лопаточкой сковородку. Он уже довольно давно выключил жаровню, однако вокруг продолжал витать запах жира.

Больше на ярмарочной площади, столь недавно кишевшей людьми, никого не было, если не считать нескольких здешних работников и горстки мужчин, толпившихся в ожидании у шатра стриптизерш. Они нервно поглядывали по сторонам, низко нагнув шляпы и засунув руки глубоко в карманы. Что ж, они не будут разочарованы: в шатре их ждет Барбара, готовая пустить в ход свои чары.

Прочие горожане — лохи, как называл их Дядюшка Эл, — уже побывали в зверинце и направились к шапито, где грохотала музыка. Музыканты, как обычно, гнали свой репертуар до того громко, что уши закладывало. Происходившее под куполом было знакомо мне до мелочей: как раз сейчас парад-алле подходит к завершению, и Лотти, воздушная гимнастка, возносится над манежем.

Я уставился на Грейди, пытаюсь вникнуть, о чем он мне твердит. Он огляделся и наклонился ко мне поближе.

— А кроме того, — сказал он, встретившись со мной взглядом, — сдается мне, сейчас тебе как никогда есть что терять. — Он многозначительно поднял бровь. Сердце у меня замерло.

Купол взорвался громом аплодисментов, и музыканты плавно перешли к вальсу Гуно. Я инстинктивно взглянул на зверинец, поскольку это был сигнал к выходу слона. Марлена либо готовится взобраться к Розе на макушку, либо уже там.

— Мне надо идти, — сказал я.

— Сиди, — остановил меня Грейди. — Ешь. Если хочешь сделать ноги, неизвестно еще, когда тебе удастся поесть в следующий раз.

И вдруг музыка взвизгнула и оборвалась. Духовые и ударные слились в леденящем душу хоре: тромбоны и флейты-пикколо разразились полнейшей какофонией, туба будто бы пустила газы, а глухой лязг тарелок поплыл над куполом шапито, над нашими головами, и исчез в небытии.

Не донеся гамбургер до рта, Грейди замер, оттопырив мизинцы и широко разинув рот.

Я огляделся по сторонам. Немногие окружающие как будто застыли — все взоры были прикованы к шапито. Ветер лениво кружил по сухой земле несколько клоков соломы.

— Что это? Что стряслось? — спросил я.

— Ш-ш-ш, — зашипел Грейди.

Музыканты заиграли снова, на сей раз марш «Звезды и полосы навсегда».

— О господи. Вот черт. — Грейди швырнул гамбургер прямо на стол и вскочил, опрокинув скамейку.

— Что там? Что случилось-то? — прокричал я, поскольку он уже несся прочь.

— Аварийный марш, — крикнул он на бегу.

Я судорожно обернулся к продавцу, который как раз срывал с себя передник.

— О чем это он, черт возьми?

— Аварийный марш, — ответил он, отчаянно стягивая передник через голову. — Значит, произошло что-то ужасное. Взаправду ужасное.

— Например?

— Да что угодно: пожар в шапито, паника, да мало ли что. Ох ты, боже мой. Бедняги лохи, должно быть, еще ничего не знают. — Он нырнул под навесную дверцу и убежал.

И воцарился хаос. Продавцы сладостей перепрыгивали через прилавки, монтажники выбирались из-под откидных пологов шатров, чернорабочие неслись сломя голову через ярмарочную площадь. Все и вся, что имело хоть какое-то отношение к «Самому великолепному на земле цирку братьев Бензини», устремилось к шапито.

Мимо меня галопом пронесся Алмазный Джо.

— Якоб, зверинец! — прокричал он. — Звери на воле! Скорее, скорее, скорее!

Мог бы и не повторять. Ведь там Марлена.

Приблизившись, я всем телом почувствовал гул. И чертовски испугался, поскольку он был тоном ниже, чем обычный шум. Земля задрожала.

Я ввалился внутрь и первым делом наткнулся на яка — его огромная кучерявая грудь была подобна стене, копыта разлетались в стороны, из красных ноздрей пыхал огонь, глаза вращались. Он проскакал до того близко, что я отпрянул и, встав на цыпочки, буквально вдавился в брезент, чтоб не попасть на его кривые рога. В его загривок вцепилась отвратительная гиена.

Торговый ларек в центре шатра рухнул, и теперь на его месте был пестрый клубок лап, пяток, хвостов и когтей, и все это рычало, визжало, мычало и ржало. Над этой грудой возвышался белый медведь, слепо размахивая огромными лапами с острыми когтями. Он задел ламу и сразил ее наповал — БУМ! Лама рухнула на землю, шея и ноги распластались, словно лучи пятиконечной звезды. Сверху раздавались вопли и трескотня шимпанзе, которые раскачивались на веревках, держась подальше от кошачьих. Зебра с безумными глазами оказалась совсем рядом с припавшим к земле львом, и тот ударил ее лапой что было сил, промахнулся и вновь ринулся на нее, прижавшись животом к полу.

Я обшарил шатер глазами, надеясь отыскать Марлену. Но вместо нее увидел крупную кошку, скользнувшую к переходу, который вел к шапиту. Это была пантера. Когда ее гибкое черное тело исчезло в брезентовом туннеле, я замер в ожидании. Если лохи и не знали, то сейчас узнают. И правда, прошло лишь несколько секунд — и послышался пронзительный крик, а за ним еще один, и еще, а потом все вокруг заполнили громыхающие звуки: это зрители пытались через головы друг друга выкарабкаться с трибун. Музыка вновь взвизгнула и оборвалась, но на сей раз больше не заиграла. Я закрыл глаза: «Господи, сделай так, чтоб они выбрались через задний вход. Прошу тебя, Господи, лишь бы они не пытались пробраться здесь».

Я вновь открыл глаза и оглядел зверинец, испугленно ища ее. Боже мой, кто бы знал, до чего порой трудно отыскать девушку и слона!

Заприметив наконец розовые блески, я чуть было не вскрикнул от облегчения. А может, и вскрикнул. Не помню.

Она стояла у стенки с противоположной стороны, тихая, словно ясный день. Блестки сверкали подобно алмазам, и вся она была как мерцающий маячок среди множества пестрых шкур. Она тоже заметила меня и, встретившись со мной взглядом, задержала его будто бы на целую вечность. Держалась она хладнокровно и никуда не спешила. И даже улыбалась. Я начал было к ней пробираться, но что-то в ее взгляде заставило меня замереть на месте.

Этот краснорожий сукин сын стоял к ней спиной и изрыгал проклятия, размахивая руками и вращая тростью с серебряным набалдашником. Его шелковый цилиндр валялся рядом на соломе.

Она за чем-то потянулась. Между нами пронесся жираф, длинная шея которого грациозно покачивалась даже в этой суматохе — и тут я увидел, что она схватила железный кол. Она держала его непринужденно, взяв концом по сухой земле. Потом вновь мечтательно взглянула на меня. И наконец, взор ее скользнул в сторону маячащего перед ней затылка.

— О боже, — пробормотал я, вдруг сообразив, что к чему. И тут же рванулся к ней и закричал, хотя понятно было, что она меня не услышит: — Не смей! Не смей!

Она подняла кол над головой и опустила вниз, разбив его макушку, словно арбуз. Череп раскололся пополам, глаза широко раскрылись, рот застыл в виде буквы О. Он рухнул на колени и уткнулся лицом в солому.

Я был до того ошарашен, что не шевельнулся, даже когда вокруг моих ног сомкнул свои гибкие лапы молодой орангутан.

Как давно это было. Боже, как давно. Но до сих пор не могу выкинуть все это из головы.

Обычно я не распространяюсь о тех временах. Никогда не распространялся. Непонятно только почему: я работал в цирках около семи лет, и о чем же еще рассказывать, как не об этом?

На самом деле все мне понятно: я никогда себе не доверял. Боялся сорваться. Я знал, как важно сохранить ее тайну, и ведь хранил эту тайну на протяжении всей ее жизни, да и потом.

За семьдесят лет не рассказал ни одной живой душе.

Глава 1

Мне девяносто. Или девяносто три. Или так, или этак.

Когда вам пять, ваш возраст известен с точностью до месяца. Даже когда вам за двадцать, вы еще помните, сколько вам на самом деле лет. Вы говорите: мне двадцать три. Или, допустим, двадцать семь. А вот после тридцати начинаются всякие странности. Сперва — просто сбой, минутное колебание. Сколько вам лет? Ну как же, мне... — уверенно начинаете вы и вдруг останавливаетесь. Вы собирались ответить, что тридцать три, но ведь это неправда. Вам тридцать пять. И тут вас одолевает беспокойство, вам кажется, что это начало конца. Да так оно и есть, только пройдут десятилетия, прежде чем вы это признаете.

Вы начинаете забывать слова: вот же оно, вертится на кончике языка, но ни за что не сорвется. Вы идете за чем-то наверх, но, поднявшись по лестнице, уже не помните, за чем отправились. Прежде чем обратиться к сыну по имени, вы перебираете имена всех своих остальных детей и даже собаки. Порой вы забываете, какое нынче число. И наконец — какой нынче год.

На самом деле я не так уж и много забыл. Просто бросил следить за происходящим. Настало новое тысячелетие, тут уж я в курсе — столько возни

и хлопот без всякого повода, вся эта молодежь, бес­покойно кудахчущая и на всякий случай закупаю­щая консервы, а все потому, что кто-то поленился оставить место для четырех цифр вместо двух. Но кажется, это было месяц назад, а может, и три года. Какая, в конце концов, разница? Чем три недели от­личаются от трех лет и даже трех десятилетий, если все они заполнены толченым горохом, кашей-раз­мазней и подгузниками «Депенд»?

Мне девяносто. Или девяносто три. Или так, или этак.

Похоже, там не то авария, не то чинят доро­гу, поскольку целая компания старушек прилипла к окну в конце вестибюля, словно малышня или арестанты. До чего они все тонкие и хрупкие, а во­лосы их подобны дымке. Большинство из них на добрую дюжину лет моложе меня, и это просто по­разительно. Даже когда тело изменяет вам, разум отказывается это признать.

Мое кресло-каталка стоит в коридоре, а рядом ходунки. Слава богу, я здорово продвинулся с тех пор, как сломал бедро. Поначалу казалось, что я больше не буду ходить — вот почему меня вообще уговорили перебраться сюда, однако каждые пару часов я встаю и прохожу несколько шагов, и каж­дый день мне удается пройти все больше и больше, прежде чем я почувствую, что пора бы уже и вер­нуться. Ничего, мы еще повоюем.

Их там уже пять, этих седовласых кумушек, сбившихся в кучку и тычущих скрюченными паль­цами в стекло. Я жду, не уйдут ли они. Но нет, не уходят.

Я смотрю вниз, убеждаюсь, что кресло стоит на тормозах, и осторожно поднимаюсь, опираясь на ручку кресла, — все-таки перебираться на ходунки

небезопасно. Наконец я готов. Ухватившись за серые резиновые подлокотники, я толкаю ходунки вперед, распрямляя локти, — получается как раз шаг длиной с плитку, какими здесь выстелен пол. Волочу вперед левую ногу, проверяю, крепко ли она стоит, и подтаскиваю к ней правую. Толкаем, волочем, ждем, волочем. Толкаем, волочем, ждем, волочем.

Вестибюль длинный, а ноги уже не слушаются. Это, слава богу, не та хромота, что была у Верблюда, но все равно я стал передвигаться медленнее. Бедный старина Верблюд, я и думать-то о нем забыл. Ноги у него болтались так, что ему приходилось высоко поднимать колени и выбрасывать ступни вперед. А я волочу ноги, как будто они налиты свинцом, а поскольку спина у меня сгорбленная, приходится все время смотреть на собственные тапочки в обрамлении ходунков.

Не быстрое это дело — добраться до конца вестибюля, но в конце концов я справляюсь, и даже на своих двоих. Я доволен как последний дурак, но тут же вспоминаю, что мне еще придется возвращаться.

Завидев меня, старушки расступаются. Все они очень живенькие, из тех, что передвигаются сами или же просят подружку прокатить их по вестибюлю в кресле-каталке. Они, голубушки, пока еще в своем уме и очень ко мне добры. Таких, как я, тут немного — старик среди целого моря вдов, все еще скорбящих по мужьям.

— Эй, — кудахчет Хейзл, — пропустите Якоба.

Она оттаскивает инвалидное кресло Долли на несколько футов назад и принимается суетиться вокруг меня, всплескивая руками. В ее белесых глазах мелькают искорки.

— Ах, как интересно! Все утро возятся.

Я приближаюсь к стеклу и поднимаю голову, щурясь от солнечного света. Солнце такое яркое, что поначалу я не могу ничего разглядеть. Но постепенно предметы начинают обретать очертания.

В парке в конце квартала появился огромный брезентовый шатер в пурпурно-белую полоску с остроконечной верхушкой — ошибиться невозможно...

Сердце сжимается так, что я хватаюсь за грудь.

— Якоб! Ой, Якоб! — кричит Хейзл. — Боже мой! Боже мой! — Она в замешательстве машет руками и поворачивается в сторону вестибюля. — Сиделка! Сиделка! Скорее же! Мистер Янковский!

— Все в порядке, — говорю я, откашливаясь и растирая грудь. Вот так всегда и бывает со старухами. Вечно бояться, что ты вот-вот скопытишься. — Послушайте, Хейзл, все в порядке.

Но слишком поздно. В вестибюле раздается скрип резиновых подметок, и вот уже вокруг меня толпятся сиделки. Судя по всему, в конечном счете мне не придется беспокоиться о том, как вернуться в свое кресло.

— И что у нас сегодня на ужин? — бормочу я, когда меня ввозят в столовую. — Овсянка? Толченый горох? Манная кашка? А ну-ка, дайте я угадаю... тапиока? Что, и в самом деле тапиока? А может, рисовый пудинг?

— Ох, мистер Янковский, ну вы и шутник, — спокойно произносит сиделка. Могла бы не отвечать, да она и сама прекрасно знает. Сегодня пятница, и нас ждет обычный питательный, но невкусный ужин из мясного хлеба, кукурузной каши, картофельного пюре и подливы, в которой, быть может, когда-то плавал кусочек мяса. И они еще спрашивают, почему я теряю вес.

Понятное дело, кое у кого здесь нет зубов, но у меня-то есть, и я хочу тушеной говядины. Такой,

как делала моя жена, с лавровым листом. Хочу морковки. Картошки в мундире. А еще — запить все это густым душистым каберне. Но больше всего хочу початок кукурузы.

Порой я думаю, что, если бы мне предложили на выбор полакомиться кукурузным початком или заняться любовью с женщиной, я выбрал бы кукурузу. Я, конечно, не прочь побыть с женщиной — ведь я все еще мужчина, в моем случае годы бессильны. Но стоит вспомнить, как лопаются на зубах эти сладкие зернышки — и у меня просто слюнки текут. Приятное дело, все это мечты, и только. Ни то ни другое мне не светит. Мне просто нравится делать выбор, как если бы я стоял перед царем Соломоном: побыть напоследок с женщиной — или съесть початок кукурузы. Порой вместо кукурузы я представляю себе яблоко.

За столом все только и говорят о цирке — ну, не все, а те, кто вообще может говорить. Наши молчуны, с застывшими лицами и парализованными руками и ногами, а заодно и те, кто не в силах удерживать столовые приборы, поскольку очень уж у них трясутся руки и голова, — все они сидят по углам, а при них санитары, которые вкладывают им в рот кусочки пищи и уговаривают пожевать. Они похожи на птенцов, вот только едят без особого энтузиазма. Если не считать легкого подрагивания челюстей, лица их спокойны, а взгляд до ужаса бессмысленный. Именно до ужаса — ведь я понимаю, что в один прекрасный день со мной случится то же самое. Пока этот день не настал, но он не за горами. Я знаю только один способ избежать его прихода, но и он мне не очень-то симпатичен.

Сиделка подвозит меня к моей тарелке. Подливка на мясном хлебе уже застыла до корочки. Я ковыряюсь в тарелке вилкой. Подливка издеватель-

ски подрагивает. Я с отвращением поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Джозефом Макгинти.

Он, новичок, незваный гость, сидит напротив меня. Бывший судебный адвокат с квадратной челюстью, бугристым носом и большими вислыми ушами. Глядя на его уши, я вспоминаю Розы, хотя во всем остальном он ничуть на нее не похож. Она была чудесная, а он — ну, он бывший адвокат. Не понимаю, что общего сиделки нашли между адвокатом и ветеринаром, почему в первый вечер усадили его напротив меня, да так оно и повелось.

Он смотрит на меня в упор, двигая челюстями, словно корова, жующая жвачку. Невероятно. Он и правда это ест.

Старушки в блаженном неведении болтают друг с другом.

— Они пробудут здесь до воскресенья, — говорит Дорис. — Билли у них спросил.

— Да, два представления в субботу и еще одно в воскресенье. Рэндалл с девочками обещали меня завтра туда свести, — подхватывает Норма и обращается ко мне. — Якоб, а вы пойдете?

Я открываю рот, чтобы ответить, но тут снова встречается Дорис:

— А вы видели лошадок? Ей-богу, просто чудные. Когда я была маленькая, у нас тоже были лошади. Ах, как я любила на них кататься!

Она смотрит вдаль, и я моментально понимаю, что в молодости она была красавица.

— А помните передвижные цирки? — спрашивает Хейзл. — За несколько дней до их прибытия появлялись афиши — ими умудрялись обклеить весь город! Ни одной стены не пропускали!

— Помню, ей-же-ей! Как не помнить? — отвечает Норма. — Как-то раз афишу наклеили прямо на наш сарай. Сказали отцу, что у них такой спе-

циальный клей, который сам растворится через два дня после представления, но, черт возьми, еще два месяца спустя афиша красовалась на том же месте! — Она хихикает и трясет головой. — Отец был вне себя от ярости!

— А через день-другой появлялись циркачи. Всегда ни свет ни заря.

— Отец обычно водил нас посмотреть, как разбирают шатры. Боже, вот это было зрелище! А потом — гулянья! И запах жареного арахиса...

— А воздушная кукуруза!

— А сахарные яблоки, а мороженое, а лимонад!

— А опилки! Как они забивались в нос!

— А я носил воду для слонов, — вставляет Макгинти.

Я роняю вилку и поднимаю взгляд от тарелки. Он вот-вот лопнет от самодовольства — так и ждет, что девочки начнут перед ним лебезить.

— Не носили, — говорю я.

Молчание.

— Что, простите, вы сказали? — спрашивает он.

— Вы не носили воду для слонов.

— Еще как носил.

— Нет, не носили.

— Вы хотите сказать, что я лжец? — медленно произносит он.

— Если вы утверждаете, что носили воду для слонов, то ровно это я и хочу сказать.

Девочки смотрят на меня с открытыми ртами. Сердце колотится. Я понимаю, что не следовало так себя вести, но ничего не могу с собой поделать.

— Да как вы смеете! — Макгинти хватается узловатыми пальцами за край стола. На руках проступают жилы.

— Послушайте, дружище, — говорю я. — Годами я слышу, как старые болваны вроде вас болта-

ют, будто носили воду для слонов. Но повторяю, это неправда.

— Старые болваны? Старые болваны?! — Макгинти вскакивает, а его инвалидное кресло откатывается назад. Он тычет в меня скрюченным пальцем, а потом вдруг падает, словно подкошенный. Так, с расширенными глазами и разинутым ртом, он исчезает под столом.

— Сиделка! Эй, сиделка! — кричат старушки.

Знакомый скрип резиновых подметок — и вот уже две сиделки подхватывают Макгинти под локти. Он ворчит и делает слабые попытки вырваться.

Третья сиделка, бойкая негрityночка в нежно-розовом костюме, стоит в конце стола, уперев руки в боки.

— Что тут, в конце концов, происходит? — спрашивает она.

— Этот старый козел назвал меня лжецом, вот что! — отвечает Макгинти, благополучно водруженный обратно в кресло. Он одергивает рубашку, поднимает заросший седой щетиной подбородок и скрещивает руки на груди. — И старым болваном.

— О, я уверена, что мистер Янковский вовсе не хотел... — начинает девушка в розовом.

— Еще как хотел, — отвечаю я. — Но он тоже хорош. Пфффф! Носил воду для слонов, как же. Да вы вообще хоть представляете, сколько пьют слоны?

— Понятия не имею, — говорит Норма, поджав губы и трясая головой. — Но я одного в толк не возьму: что это на вас нашло, мистер Янковский?

Да-да. Вот так оно всегда и бывает.

— Это возмутительно! — восклицает Макгинти, чуть склонившись к Норме. Заметил, стало быть, что глас народа на его стороне. — Я не понимаю, почему обязан терпеть, когда меня обзывают лжецом.

— И старым болваном, — напоминаю я.

— Мистер Янковский! — обращается ко мне негритяночка, повышая голос. Она подходит ко мне и снимает кресло с тормоза. — Думаю, вам лучше побыть у себя. Пока не успокойтесь.

— Пойдите! — кричу я, но она уже откатывает меня от стола и везет к двери. — С чего это я должен успокаиваться? И вообще, я еще не поел!

— Ужин я вам принесу, — доносится у меня из-за спины.

— Но я не хочу ужинать у себя! Верните меня обратно! Вы не имеете права!

Оказывается, очень даже имеет. Она провозит меня по вестибюлю со скоростью молнии и резко сворачивает в мою комнату. Там она с такой силой жмет на тормоза, что кресло аж подпрыгивает.

— Я еду обратно, — говорю я, замечая, что она поднимает подставку для ног.

— Ни за что, — отвечает она, ставя мои ноги на пол.

— Но так нечестно! — чуть ли не взвизгиваю я. — Ведь я всегда там сидел. А он только две недели. Почему все встали на его сторону?

— Никто не встал ни на чью сторону. — Она наклоняется ко мне и подхватывает меня под руки. Когда она меня поднимает, ее лицо оказывается вровень с моим. Ее волосы, явно распрямленные в парикмахерской, пахнут цветами. Она усаживает меня на край кровати, и я утыкаюсь глазами в ее грудь, обтянутую розовым. И в табличку с именем.

— Розмари, — окликаю ее я.

— Да, мистер Янковский?

— Но ведь он и правда соврал.

— Я не в курсе. И вы не в курсе.

— Я в курсе. Я сам из цирковых.

Она сердито моргает.

— Что, простите?

Меня одолевают сомнения, и я решаю не вдаваться в подробности.

— Не важно.

— Вы работали в цирке?

— Я же сказал, не важно.

Повисает неловкая пауза.

— Вы наверняка здорово обидели мистера Макгинти, — говорит она, занимаясь моими ногами. Она действует быстро и ловко, а если и останавливается, то ненадолго.

— Едва ли. Адвокаты умеют держать удар.

Она смотрит на меня долгим взглядом, как будто хочет увидеть во мне не пациента, а личность. На миг у меня перехватывает дыхание. Но она вновь принимается за работу.

— Скажите, родные поведут вас в выходные в цирк?

— О да, — отвечаю я не без гордости. — Каждое воскресенье кто-нибудь да заходит. У них все четко, как в аптеке.

Она встряхивает одеяло и укрывает мне ноги.

— Ну что, принести ужин?

— Нет, — отвечаю я.

И вновь неловкая пауза. Мне приходит в голову, что следовало бы добавить «спасибо», но уже поздно.

— Ладно, — говорит она, — я еще загляну посмотреть, не нужно ли вам чего.

Как же, заглянет она. Все они так говорят.

Но, будь я проклят, вот и она.

— Только никому не говорите, — просит она, спешно водружая мне на колени переносной столик и застилая его бумажной салфеткой, а потом кладет туда пластиковую вилку и ставит блюдце

с фруктами. Клубника, дыня, яблоко... До чего же аппетитно они выглядят! — Это мой завтрак. Я на диете. Вы любите фрукты, мистер Янковский?

Я и хотел бы ответить, но вместо этого зажимаю рот дрожащей рукой. Боже мой, яблоко...

Погладив меня по другой руке, она уходит, деликатно не замечая моих слез.

Я кладу в рот кусочек яблока и смакую. Флуоресцентная лампа, жужжащая у меня над головой, льет резкий свет на мои скрюченные пальцы, тянущиеся за кусочками фруктов. До чего же они чужие. Нет, не может быть, чтобы это были мои пальцы.

Возраст — безжалостный вор. Когда дни твои подходят к концу, он лишает тебя ног и сгибает спину. Боль и помутившийся рассудок — вот его приметы. Это он тихой сапой насылает на твою жену рак.

Метастазы, сказал врач. Протянет от нескольких недель до нескольких месяцев. Но моя любимая была хрупкая, как птичка. Она протянула всего девять дней. Мы прожили вместе шестьдесят один год — и вот она сжала мою руку и в одночасье угасла.

Порой я готов отдать что угодно, лишь бы она вернулась, но на самом деле даже рад, что она ушла первой. Когда ее не стало, что-то во мне надломилось. Казалось, жизнь закончилась — и я не хотел бы, чтобы эта участь досталась ей. Остаться в живых куда как более гадко.

Раньше мне думалось, что лучше дожить до глубоких седин, чем наоборот, но теперь я засомневался. Все эти игры в лото и спевки, ветхие старички и старушки в инвалидных креслах, расставленных по всему вестибюлю, — да тут любой возжелает смерти. Особенно если вспомнить, что я и сам — один из этих ветхих старичков, отправленных в утиль.

Груэн С.

Г 91 Вода для слонов : роман / Сара Груэн ; пер. с англ. М. Фаликман. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19494-6

Якобу Янковскому не везет — нищий, потерявший родителей, без работы, он вынужден скитаться по Америке периода Великой депрессии, пока однажды не попадает в поезд, принадлежащий цирку братьев Бензини, «самому великолепному на земле». Здесь-то он и находит свое место под солнцем — устраивается работать ветеринаром. Так цирк на колесах становится для него, с одной стороны, спасением, с другой — воплощенным адом. Люди, похожие на зверей, звери с человеческими сердцами, мрачные, опасные тайны и, конечно, любовь.

Роман имел огромный успех. В мире продано свыше 10 миллионов экземпляров. Книга стала бестселлером № 1 по версии «Нью-Йорк таймс», «Лос-Анджелес таймс», «Уолл-стрит джорнэл». В снятом по книге фильме (2011 г., режиссер Фрэнсис Лоуренс) снимались Риз Уизерспун, Роберт Паттинсон и Кристоф Вальц.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

САРА ГРУЭН

ВОДА ДЛЯ СЛОНОВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.04.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBB-28251-01-R